

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ КАНТА НА ФИЛОСОФИЮ ИСТОРИИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Современные историко-философские поиски сосредоточились на методической проблематике. К разряду этих проблем, представляющих большой теоретический интерес, относится и вопрос о влиянии идей Канта на русскую философию истории. Его успешному решению должно помочь исследование конкретных фактов этого влияния.

Помимо этого указания, тема имеет и самостоятельное теоретическое значение, ибо еще до сих пор связь русской философии и социологии с классическим философским наследием Западной Европы либо молчаливо игнорируется¹, либо представляется односторонне и превратно, зачастую лишь в плане плоского заимствования и «использования» или критики отечественными мыслителями, например, немецкой классической философии, в частности, философии И. Канта².

При такой ситуации ошибочные представления умножаются. Прежде всего бросается в глаза тот факт, что в послекантовский период развития европейской философии господствующим мотивом, по крайней мере, среди немецких философов, в отношении Канта был мотив апологии.

Когда в 1904 году отмечалась 100-летняя годовщина смерти Канта, то выделилась группа немецких ученых, которые прославляли его как «специально» немецкого гения. Коген превозносил его тогда именно в этом смысле. Понятно, что при этом вопрос о влиянии снимается. Тогда же такая постановка вопроса болезненно отозвалась в сознании негерманских кантианцев, особенно тех, которые привыкли к историко-философским оценкам независимо от временных и местных обстоятельств³.

Дело дошло до курьезов, таких, как призыв изучать Канта наизусть, или утверждение О. В. Вильмана: «Кант более сенсуалист,

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 273.

² Каменский Э. А. Кант в русской философии начала XIX века. — «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 1, с. 49.

³ См.: Спектровский Е. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. 1. Варшава, 1910, с. 177, 179.

чем Локк»¹. К этому же разряду относится и концепция К. Ясперса о том, что человечество имеет только трех великих философов: Будду, Христа и Канта.

Продолжением этой тенденции оказались и противоположные мнения, в частности, решение вопроса о влиянии вообще, когда утверждалось, что Канта «можно перевести на эскимосский язык, на котором мысль немецкого философа нашла бы совершенно адекватное воплощение». По убеждению даже современных сторонников этих антиисторических и недialeктических взглядов, это мнение должно засвидетельствовать общность духовной культуры человечества².

Вся эта историко-философская ситуация подпадает под характеристику немецкой философии, которую дали Маркс и Энгельс в первом разделе «Немецкой идеологии».

Другой стороной этой же ситуации является искажение содержания самой философии Канта. Речь идет о том, что обычно затушевывается именно философско-исторический, социологический аспект этой философии, чем нарушается единство самой конструкции и многообразие ее влияния³. А тем не менее хорошо известны такие важные положения его философии, как субъективно-идеалистический анализ норм личного и общественного, «легального» и морального поведения, принципиальное выведение из этики идеала государственного устройства, учение об абсолютной ценности и достоинстве каждой личности, принцип вечной борьбы между эгоизмом и «общественностью», который якобы заставляет человечество двигаться вперед, и т. п. Известно, что в докритический период Кант разрабатывал проблему естественной истории человеческих рас.

Таким образом, философия истории — важный основополагающий пункт кантовской концепции. И поэтому следует считать новой и совершенно правильной оценку Т. И. Ойзерманом основной направленности философии Канта: «Принцип активности субъекта даже в той ограниченной форме, в какой он разработан в системе «критической философии», является как для Канта, так и для его непосредственных продолжателей философско-историческим основоположением... Кант вплотную подходит к пониманию того, что человечество само формирует условия, которые во все большей степени определяют его историю»⁴.

Разрабатывая три известных варианта теории общественного

¹ Спектровский Е. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. 1, с. 177, 179.

² См.: Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л. Изд-во ЛГУ, 1973, с. 5.

³ Наиболее яркий показатель этого демонстрирует последнее советское издание сочинений Канта (М., «Мысль», 1963—1966), где совершенно закономерно выделен специальный том — «Сочинения по философии истории...», однако во вступительной статье слова нет об этой стороне творчества Канта.

⁴ Философия Канта и современность. М., «Мысль», 1974, с. 5.

развития, Кант отбрасывает религиозно-провиденциалистскую концепцию, сводя, по существу, все возможные философско-исторические концепции к антиномии оптимизма и пессимизма, решительно выступая сторонником первого.

Существует мнение, что философия истории изложена лишь в 90-х годах Кантом, ибо до 1784 года Канту не приходилось специально высказываться по вопросам философии истории. В свете сказанного с этим положением согласиться нельзя. Дело еще и в том, что существенной проблемой философии истории и для Канта, и для русских мыслителей была проблема свободы и детерминизма. Вспоминая историю возникновения критической философии, сам Кант указывал, что прежде всего антиномии и, в частности, антиномия свободы пробудила его от «догматического сна и побудила приступить к критике разума»¹.

Резкий разрыв между теорией и практикой, отражавший в Германии — в силу ее экономической и политической отсталости — односторонность самой практики, приводил к превратному решению главной философско-исторической проблемы. Антиномия детерминизма и свободы решается Кантом в духе характерного для него противоречия: необходимость и свобода объявляются равно реальными, однако необходимости отводится сфера опыта, а свободе отводится сфера трансцендентного.

Уже поэтому проблема не могла быть решена в целом, а детерминизм принял фаталистический характер: всякую необходимость событий, осуществлявшуюся по принципу причинности — будет ли она «внешней» или «внутренней», «физической» или «психической» — Кант именует и «механизм природы», хотя бы вещи и явления, которые этому «механизму» подчиняются, и не были в точном смысле машинами.

Кант прямо утверждает, что всякая последовательность событий, существующих во времени, протекает с необходимостью, исключаящей какую бы то ни было свободу: «Каждое событие... и каждое действие, которое происходит в данный момент времени, необходимо обуславливается тем, что было в предшествующее время. А так как прошедшее время не находится в моей власти, то каждое мое действие должно быть необходимо в силу определяющих оснований, которые мне не подвластны»².

Следовательно, в каждый момент времени, в который я действую, я никогда не бываю свободным.

Легко понять, какие выводы получились отсюда для исторической науки. Так как исторический процесс есть процесс эмпирический, протекающий во времени, то здесь должен господствовать фатализм и не может быть места свободе.

¹ Кант И. Соч., т. 6, с. 655.

² Кант И. Соч., т. 4(1), с. 423.

Уже при решении этой проблемы видно, что основная тенденция кантовской философии истории натуралистична. Причем эта тенденция присутствовала в его конструкции с самого начала и получила определенное выражение. И Кант не изменял ей на всем протяжении своего творчества. Еще в одной из своих ранних работ — «Вопрос о том, стареет ли Земля с физической точки зрения» (1754), — он писал: «Когда я сравниваю влечение древних народов к великим деяниям, их честолюбие, жажду добродетели и свободолюбия, порождавшие у них высокие идеи и возвышавшие их, с духом умеренности и хладнокровия, свойственным нашему времени, то хотя я и нахожу достаточно оснований поздравить наши столетия с этой переменной, способствующей и нравственности, и наукам, но все же я не свободен от соблазна предположить, что эта переменна, может быть, есть признак известного охлаждения того огня, который вдохновлял когда-то человеческую природу и жар которого одинаково ярко проявлялся и в излишествах, и в благородных деяниях. Но когда я, с другой стороны, думаю о том, какое огромное влияние оказывает на душевное состояние и нравы образования, наставление и пример, то я сомневаюсь, могут ли подобные признаки, имевшие два противоположных смысла, служить доказательством действительных перемен в природе»¹.

В более поздних работах («Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», 1784) он прямо заявлял: «Историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение тайного плана природы — осуществить внутреннее и для этой цели также внешнее совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить все задатки, заложённые ею в человечество»².

Таким образом, философско-историческая точка зрения Канта была сугубо натуралистической и неизменной на протяжении всего творчества. Важно отметить, что здесь находятся истоки тех концепций истории, которые затем получили значительное развитие в классической немецкой философии и завершились гегелевской философией истории.

В этой связи заслуживает внимания — особенно в сопоставлении со взглядами Руссо — точка зрения Канта на роль антагонизмов в развитии природных задатков людей. При этом проблема соотношения между совершенствованием человека (прогрессом) и его счастьем решается Кантом в духе антиэвдемонизма, ярко выраженного уже в его этике и противоположного точке зрения французских просветителей.

В целом, имея в виду весь комплекс философско-исторических идей, можно и нужно различать непосредственное влияние Канта и влияние, опосредствованное через гносеологию.

¹ Кант И. Соч., т. 4(1), с. 113—114.

² Кант И. Соч., т. 6, с. 18—19.

Как бы то ни было, несомненным является факт влияния идей Канта на другие народы и другие времена, и речь может вестись лишь о степени и характере этого влияния. В этой связи необходимо иметь в виду два пункта кантовской философии, которые представляют наибольший интерес для поставленной проблемы.

Во-первых, это — рационализм, в котором, в отличие от рационализма XVII века, обнаруживается потребность исторического взгляда на человечество. Эта потребность явно выражена Кантом в идее «естественной истории неба» с ее диалектическими посылками, отмеченными Энгельсом. Помимо диалектических тенденций историзма, кантовский рационализм был проникнут психологизмом, хотя сам он отрицал возможность психологии как науки, и, наконец, субъективизмом. Наибольшее влияние имело учение об истине, разработанное Кантом в духе противопоставления субъекта объекту, в духе априоризма.

Таким образом, можно сказать, что общетеоретическая тенденция творчества Канта оказалась важным гносеологическим уроком для логики исторического познания. Как известно, метафизический материализм не смог выяснить роли практики в процессе познания. Попытку преодолеть этот недостаток предприняли немецкие философы-идеалисты, в частности И. Кант: он рассматривал действительность не только как предмет созерцания, но главным образом как предмет деятельности человека в процессе исторического развития его познания. Но Кант развил этот вопрос на идеалистической основе, ибо практику сводил к практике познания.

В нашей литературе нет работ, посвященных анализу того влияния, которое оказал Кант именно на философию истории в России. А между тем встает существенный вопрос: как свойственное Канту отрицание объективности общественных закономерностей было воспринято в России, и не только философией, а всем комплексом общественных наук (история, политэкономия, правоведение, лингвистика, психология, педагогика и т. п.), имея в виду значительные материалистические традиции, существовавшие в русской науке того времени.

Анализ указанного влияния тем более важен, что начальный период его — первая половина XIX века — характеризуется важными изменениями в жизни России, в частности, разложением крепостничества и возникновением освободительного движения. Все это, естественно, вело к постановке общетеоретических проблем истории, к теоретическому обоснованию освободительного движения, а в итоге к поискам научной методологии исторического познания и действий, приведших к появлению ленинизма.

Интерес к философскому учению Канта возник в России уже при жизни великого немецкого мыслителя. В 1789 году знаменитый русский историк Н. М. Карамзин посетил «все сокрушающего Канта» и в одном из «Писем русского путешественника» (19 июня

1789 г.) передал содержание своей беседы с этим «глубокомысленным, тонким метафизиком». Сочинения Канта читал и был знаком с ним самим И. М. Муравьев. Над «изысканиями трудолюбивого Канта» размышляли В. Ф. Раевский, Г. С. Батеньков, К. Н. Батюшков. Русские журналы печатали очерки жизни И. Канта. О философском учении Канта рассказал своим слушателям в Петербургском педагогическом институте и Царскосельском лицее А. И. Галич, вернувшийся в 1813 году из научной командировки в Германию. Примечательно, что А. С. Пушкин уже в 1814 году, перечисляя типичные детали лицейского быта, упоминал о томике сочинений Канта на студенческом столе...

В этой связи становится совершенно непонятным введение посредника между Кантом и русской философской мыслью, знакомящего русских ученых с кантовской философией¹. Это не оправдано ни методически, ни фактически.

Несмотря на то, что философские идеи Канта получили в России в начале XIX века широкое распространение и вызвали живой интерес, и на то, что их влияние сказалось на взглядах Куницына, Георгиевского, Сохацкого, Перевощикова, Галича и других, это не привело к возникновению кантианской школы в философии истории в России. Прежде всего это объясняется тем, что при всем уважении к заслугам немецкого мыслителя перед философской наукой, в России его учение с самого начала было встречено критически.

Уже один из первых исследователей философии Канта в России А. С. Лубкин в 1805 году в «Письмах о критической философии» критиковал его гносеологию с позиции сенсуализма.

Кантианство в Германии было теоретическим выражением буржуазной идеологии, склонной к компромиссу с феодализмом. В России такую позицию выражала официальная религиозная идеология, также не принявшая Канта. Радикальные круги русского общества не нашли в кантианстве достаточной опоры. Кантианство в то время в России было больше модой, чем идеологией.

Влияние идей Канта на русскую философию истории было в начале XIX века значительным, хотя для ее передовых представителей идейными источниками были передовая отечественная философия конца XVIII века (Ломоносов, Радищев) и боевая теория общества французских просветителей.

Русская философская мысль сосредоточила свое внимание лишь на некоторых важнейших сторонах системы Канта. Агностицизм, учение о вещи в себе, априоризм, а также некоторые общие идеи этики, эстетики, педагогики и естественного права — вот что оказалось в сфере внимания русских мыслителей.

Представители прогрессивной и реакционной мысли попытались,

---

¹ См.: Каменский З. А. И. Кант в русской философии начала XIX века. — «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 1, с. 52—53.

каждый по-своему, использовать философские идеи Канта. Однако эти попытки не были настойчивыми и систематическими; и тот и другой лагерь гораздо определенной и сосредоточенной критиковали Канта, нежели его философию.

Почему же большинство русских философов, несмотря на принципиальные различия, отнеслись к Канту одинаково — критически? Здесь сыграло роль несколько обстоятельств.

Главное, по нашему мнению, состояло в том, что и сами традиции отечественной философии, и громадное, предшествующее кантовскому, влияние передовых идей французских просветителей несли в себе совершенно особый элемент — тенденцию к соединению теории с практикой¹. В этой связи передовая философско-историческая мысль в России стремилась к мировоззрению, которое способствовало бы активному исправлению мира, его совершенствованию, к мировоззрению, уверенному в истинности познания и в практической ценности знания. А такой уверенности кантианство дать не могло. Наоборот, оно ослабляло эту тенденцию отрицанием возможности истинного познания.

Если К. Маркс охарактеризовал философию Канта как немецкую теорию французской революции, то надо сказать, что эта теория не получила одобрения в России, которая имела на этот счет собственные соображения.

Указание же на то, что «кантианство — противоречивая система, которая, в силу этого, обладала для каждого из направлений не только притягательными, но и отталкивающими силами»², должно быть несомненно принято.

Для нашей темы важно отметить, что Кант рассматривал одну сторону философско-исторической проблематики, а передовые русские мыслители — другую. Он исследовал главным образом природные связи человека и общества, отечественные же мыслители исследовали сам общественный процесс. Однако там, где они рассматривали связь природы и общества, они шли одним путем с Кантом.

Следовательно, главная причина непопулярности философско-исторических взглядов Канта в России состоит в том, что эти взгляды не были новыми для русской философии.

Укажем в этой связи на три существенных примера. Во-первых, еще в 1784 году Кант разделял уже давно известную всем теорию общественного договора: «дикий человек был... вынужден... пожертвовать своей животной свободой и искать покоя и безопасности в законосообразном устройстве»³.

Во-вторых, Кант отрицал механическое понимание хода истори-

¹ См.: История философии. Т. 3. М., 1959, с. 80—82.

² Каменский З. А. И. Кант в русской философии начала XIX века. — «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 1, с. 64.

³ Кант И. Соч., т. 6, с. 16.

ческого процесса, при котором, как он считал, отрицается роль человеческого ума и воли, и придерживался устаревшего телеологического взгляда на историю, выдвигая на первое место понятие цели истории¹.

Отсюда, в-третьих, он натурализовал философско-историческую проблематику, рассматривая, например, войны не «как цель человека, а как цель природы»². Здесь историческое сведено к натурфилософскому, и социальная реальность у Канта не имеет своей специфики. Эта цель природы есть «автоматическое» состояние всеобщего мира, аналогично состоянию общественного договора между индивидами.

Важное место в ряду указанных причин имеет и то обстоятельство, что в полемике с кантовской философией русские мыслители вскрыли ее антидемократический характер, наиболее четко проявившийся в отношении к женскому вопросу. Да и по другим вопросам, как они отмечали, абстрактность кантианства неизбежно приобрела антидемократическую направленность.

Таким образом, имеется ряд обстоятельств, которые способствовали тому, что философская концепция Канта, особенно в ее философско-исторической части, была критически встречена в России.

В целом, как мы хотели показать, правильное решение вопроса о влиянии того или иного учения предполагает научную оценку того учения, которое влияет. Поэтому только с позиций ленинизма можно правильно подойти к анализу поставленного вопроса, имея в виду весьма существенное методологическое указание В. И. Ленина: «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь *a limine* отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий»³.

Очевидно, что имело место размежевание в отношении к философии Канта между материалистическим и идеалистическим лагерями в русской философии истории. Передовые мыслители, материалисты высоко ценили и ценят прогрессивные идеи великого немецкого философа.

---

¹ См.: Галанза П. Н. Учение И. Канта о государстве и праве. М., Госюриздат, 1960, с. 16.

² Кант И. Соч., т. 6, с. 16.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 170.